

СРЕДНЕ- ВЕКОВЬЕ

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

**ОЛЕГ
ВОСКОВОЙНИКОВ**

медиевист, доктор исторических наук,
ординарный профессор НИУ ВШЭ, доктор
Высшей школы социальных наук в Париже

Путешественники во времени (Эксмо)

Олег Воскобойников

Средневековье крупным планом

«Эксмо»

2019

УДК 94(4)"04/14"
ББК 63.3(4)4

Воскобойников О. С.

Средневековье крупным планом / О. С. Воскобойников —
«Эксмо», 2019 — (Путешественники во времени (Эксмо))

ISBN 978-5-04-107431-9

Профессор НИУ ВШЭ Олег Воскобойников станет вашим проводником по завораживающему миру Средневековья и расскажет, чем же люди, жившие много веков назад, отличались от нас, а чем – были похожи, откуда черпали вдохновение, как любили, как выстраивали иерархию власти, как воевали. Вы отправитесь в средневековый храм и узнаете, как найти частички Средневековья в современных музеях, сможете посмотреть на историю под новым углом и найдете ответы на множество любопытных вопросов. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(4)"04/14"

ББК 63.3(4)4

ISBN 978-5-04-107431-9

© Воскобойников О. С., 2019

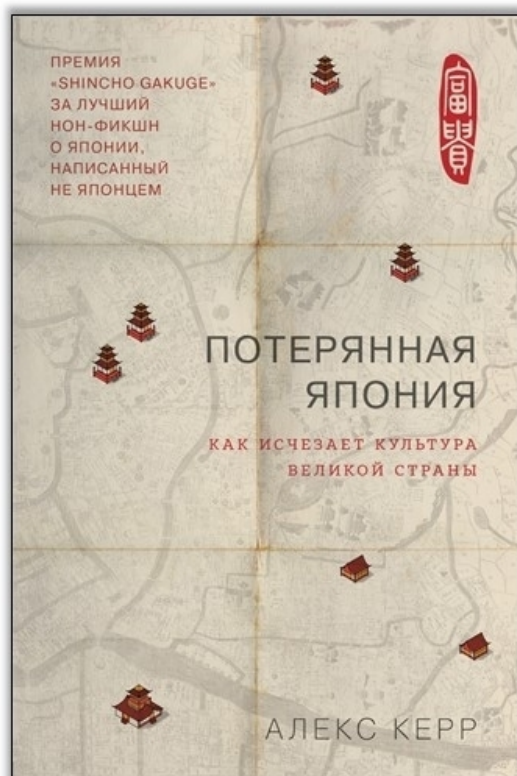
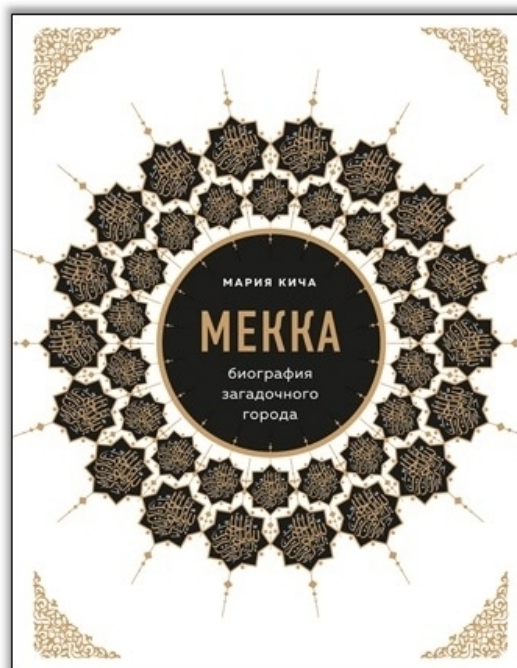
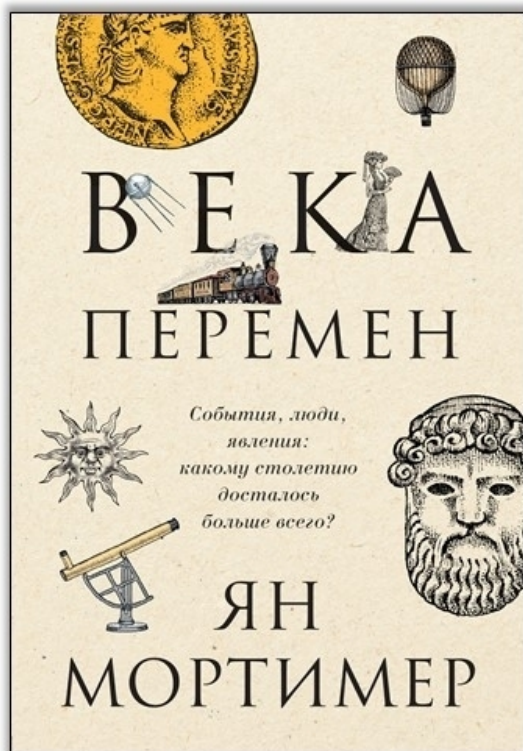
© Эксмо, 2019

Содержание

Путешествие во времени	6
Incipit (к читателю)	8
Кому в Средние века жить хорошо?	10
Семья и родня	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Олег Воскобойников Средневековые крупным планом

Путешествие во времени

Века перемен. События, люди, явления: какому столетию досталось больше всего?

Какое время нашей истории стало самым значимым? Был ли период, когда человек сделал самый большой шаг навстречу будущему? Философ и историк-новатор Ян Мортимер детально описывает самые важные события в истории человечества. Отказ от рабства, интеллектуальное возрождение, эпоха географических открытий, основание европейских империй, мировые войны – лишь малая часть тех событий и явлений, которые затрагивает автор.

Мекка. Биография загадочного города

Мекка – запретный город для немусульман, место, куда не попадет большинство людей, никогда и ни при каких обстоятельствах. Это город, о котором можно только прочитать. Книга содержит уникальный материал, впервые переведенный на русский язык. Вы найдете здесь множество увлекательных бытовых подробностей (быт мекканцев, их распорядок дня, увлечения, занятия, времяпрепровождение, кухня, архитектура, источники дохода, войны и политика, отношения друг с другом и с окружающим миром).

Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий

Перед вами исследование британского историка и преподавателя Оксфордского университета Питера Франкопана. В книге рассматривается вся история человечества за последние 2000 лет. Вы узнаете, как возник шелковый путь из Азии в Европу, какие войны велись за контроль над ним, а также поймете его истинное значение для всего мира. Вы увидите, что история развивалась совсем не так, как мы привыкли изучать в школе.

Потерянная Япония. Как исчезает культура великой империи

Алекс Керр – американский писатель, ученый-японист, коллекционер, арт-историк с блистательной наблюдательностью, точностью и пристрастием описывает культуру Японии и то, как она менялась с течением десятилетий. Откройте книгу и вы узнаете, что представляли собой истинные японские традиции и как они изменялись под влиянием трендов современности. «Потерянная Япония» – ваш пропуск в загадочный и прекрасный мир Страны восходящего солнца.

Incipit (к читателю)

Французскому писателю Гюставу Флоберу приписывают крылатое выражение, кое-что объясняющее в названии этой книги: «Бог в деталях». В начале XX столетия его подхватил Аби Варбург, один из основоположников современной науки о культуре, за ним – многие историки наших дней. Некоторые даже стали называть себя «микроисториками». В каждом малозначимом на первый взгляд казусе, в чуде сохранившейся фразе, во фрагменте древнего памятника они сумели расслышать гул тысячелетней истории, в конкретном человеке – характер целого поколения, в отдельном поступке – кодекс поведения. Историки поколения моих учителей, по хлесткому выражению Марка Блока, «людоеды, идущие на запах человечины». Одного из этих классиков – Жака Ле Гоффа – ученики так и прозвали: «историком-людоедом», подчеркивая, конечно, его человеческую доброту, верность урокам Блока и широту кругозора.

Нетрудно догадаться, что, подбирая название для еще не написанной книги, я думал о тех, у кого успел чему-то научиться. В юности кто-то из моих наставников велел мне посмотреть фильм Микеланджело Антониони «Blow up» (1966), в русском прокате – «Фотоувеличение» (на самом деле, название, как и положено классике, многозначнее). Детали преступления раскрываются здесь благодаря зоркости фотографа, смене оптики, добротной работе с химикатами, качественной фотобумаге. Как выяснилось потом, фильм этот стал вдохновением для многих исследователей, как для тех же микроисториков, так и для «Анналов», варбургянцев, иконологов, семиологов. Властители парижских университетских аудиторий 1968 года ходили в кино через день. В результате историк стал не только людоедом, но еще и сыщиком, зорким Шерлоком, желательно таким же независимым, ведомым исключительно собственным чутьем и собственным же азартом. Я хотел было пересмотреть фильм, но отвлекся и решил попросту позаимствовать название, постарался воплотить юношеские впечатления, которые наложились на обретенную с годами профессию.

Моя профессия – медиевист. Мой предмет – Средневековые. Но с раннего детства я привык смотреть на мир через видоискатель фотоаппарата, к которому меня приучил отец. Как и многих тогда, меня завораживал момент, когда в проявителе на бумаге возникал образ, воссозданный мной с помощью небольшой и не слишком хитрой камеры. Эта магия теперь числится по ведомству антиквариата. Тем не менее, не самая вредная, хотя и странноватая привычка подсказала мне, как писать эту книгу, не повторяя то, что многие уже сделали или делают не хуже меня. Не то чтобы я искал повод опубликовать собственные фотографии средневековых памятников. Важнее другое: я хотел бы попробовать вместе с вами, читатель, посмотреть на средневековый мир с разных планов: через «рыбий глаз», через стандартный 50-миллиметровый «штатник», через «длиннофокусник» и, наконец, в режиме «макро». Именно смена фото-режимов, как мне кажется, даст нам с вами возможность рассмотреть наших далеких предков с должной степенью четкости. Иногда нам потребуется глубина резкости, для этого мы закроем диафрагму. Иногда, напротив, чтобы выделить индивидуальные, портретные черты, задний план придется размыть. Иной раз линия горизонта окажется важнее, чем травинки и листья на деревьях.

Читателю следует приготовиться к частой, иногда неожиданной смене фокусного расстояния. Это касается не только предметов, попавших в объектив – в конце концов, эта книга не по истории искусства. Речь о людях, понятиях, событиях, преступлениях и наказаниях, даже о тенденциях и закономерностях, которые я по складу характера, может быть, недолюбливаю, но как историк не имею права игнорировать. Средневековый Запад говорил на нескольких языках, поэтому мне показалось важным нередко останавливаться на средневековых словах, вдумываясь в их смысл, в его историческое развитие. Ведь если мы любим называть вещи своими именами, то тем самым мы формируем и самих себя, свою систему ценностей, правила пове-

дения. Но мы также знаем, что наши собственные дети в те же слова вкладывают уже какое-то свое значение, а к любимым нами вещам относятся по-своему. И вот, задумавшись над подобными банальностями, вдруг понимаешь, что средневековая французская *amour* вовсе не обязательно «любовь», а *amitié* не совсем то же, что наша «дружба». Средневековые – оно другое. И его инаковость нужно понимать не как повод посмеяться, поплакать или вскинуть бровь, а как приглашение к диалогу. Как школу терпимости.

И последнее. Я написал эту книгу для всех, кому мир, в котором я живу последние двадцать пять лет, по каким-то причинам интересен. Но я думал, в первую очередь, о тех, кто учится в моей магистратуре, выбрав не самую легкую профессию. Мои «младомедиевисты» научили меня многому, даже если сами о том не подозревают. Я также благодарен моим товарищам по цеху – сотрудникам Лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ, коллегам с Факультета гуманитарных наук, с которыми я преподаю и без которых, конечно, никакой магистратуры по медиевистике бы не было. Наконец, мне хотелось бы сказать спасибо Веронике, Ане и Оксане, взявшим на себя труд прочесть эту книгу до того, как она – благодаря им – приняла божеский вид.

*Олег Воскобойников,
октябрь 2019 года*

Кому в Средние века жить хорошо?

Эта книга – о людях Средневековья.

Мы будем говорить о нескольких десятках поколений европейцев, живших приблизительно с V по XV век. Почему именно европейцы? Потому что наш с вами интерес к Средневековью объясняется тем простым фактом, что все мы, на Востоке и на Западе Европы, – наследники этой великой христианской цивилизации. Нам привычно со школьной скамьи отдельно изучать нашу Древнюю Русь и их, чье-то, но не наше – Средневековье. Такое разделение, может, и оправданно, если мы заботимся об образовании ребенка. Но для мыслящего взрослого человека подобное разделение на наше и чужое так же бессмысленно, как разделение на европейцев и русских, Европу и Россию. При всех перипетиях современной геополитики, физической географии никто не отменял, и Европа заканчивается на Урале и Кавказе.

В силу моей профессиональной компетенции я буду рассказывать в основном о Западной Европе. Однако, будучи русским ученым и преподавая главным образом в Москве и главным образом на русском, я намерен предложить такой взгляд на западного человека, который поможет разобраться в самих себе, в нас, дорогой читатель. Я историк, поэтому мое повествование – помимо моей воли – подчиняется некоторым непреложным законам исторического знания. Я нечасто привожу пространные цитаты из надежных источников информации, созданных в интересующее меня время, не цитирую ни классиков, ни друзей по цеху (среди которых тоже есть классики). Но это не значит, что содержащиеся здесь сведения не проверены – их надежность полностью на моей совести. Далее: подчиняясь основным правилам исторического исследования, я все же не намерен предлагать очередную Историю Средних веков. Нет здесь и очерка средневековой Европы. И то и другое – хронологически выстроенные истории и описания Европы – по странам, династиям, политическим и социальным институтам – можно найти во многих книгах. Одни рассчитаны на помощь студентам, другие обращаются к более широкому читателю. Есть обзорные монографии русских медиевистов, есть переводные. Есть такие, которым можно доверять, есть слишком броские, излишне хлесткие, плохо переведенные с английского или французского, есть, наконец, попросту скороспелые и голословные. Любопытный читатель найдет в конце книги список того, чему я лично доверяю. Но главное: у русского читателя есть собственный, не заимствованный с Запада, а укорененный в собственной культурной традиции интерес к прошлому своего западного соседа. По счастью, он не менее силен, чем интерес к национальному прошлому, и он-то и спасает нацию от притязаний на исключительность. Любой из нас, а вовсе не только медиевист, чувствует давнее, но крепкое родство со строителями готических соборов и с героями «Песни о Нибелунгах».

Радость, которую испытываешь от ощущения этого родства, объединяющего меня с читателем, и побудила меня взяться за перо.

Но если это не история, то что?

Мне хочется представить средневековых людей, давешних, не похожих на нынешних, но парадоксальным образом именно нам, именно сегодня, понятных. Я не смогу рассказать их историю в мало-мальски значимых подробностях. Не выведу ни «закономерностей», ни «тенденций». Это не значит, что я отрицаю возможность исторического повествования, что не хочу выстраивать цепочки событий, из которых затем можно вычленить те самые закономерности исторического развития, которых от нас требуют (и мы сами требуем) на экзаменах. Мне просто кажется, что жизнь людей можно и стоит описывать не только как последовательность событий, действий, чувств, мыслей, но и как совокупность тех же чувств, идей и поступков. Мне нужен коллективный портрет. Очень разные люди предстанут перед нами, как конкретные личности, так и группы, и у меня нет никакого желания изображать их с одинаковой прической и при мундире.

Кто же они – средневековые люди? И почему, собственно, люди, а не массы, социальные группы, структуры или государства? Или, напротив, не человек, индивид или личность? Попробуем разобраться. Мои учителя научили меня простой мысли, что история – это про людей. Только для того, чтобы понять их жизнь в далеком прошлом, имеет смысл оперировать «структурами» и «системами». Зачастую, напротив, «структуры», пусть подробно описанные и изученные, заслоняют людей. Этого хотелось бы избежать. Когда мы говорим о «средневековом человеке», в этом тоже скрывается опасность, ведь нетрудно заметить, что человек всегда состоит из рук, ног, головы и что он в общем-то не меняется. Питается, размножается, воюет, мирится, ищет бога. Или богов. Нетрудно выделить в череде тысячелетий одно под «средневекового человека», как выделили временную территорию неандертальцу и ровно 74 года – homo sovieticus. Но все эти «виды» плавно перетекают один в другой, скрещиваются, меняют повадки, места обитания и внешние характеристики. Границы Средневековья размыты в том числе и потому, что непросто отделить средневекового человека от не средневекового.

Жизнь людей можно и стоит описывать не только как последовательность событий, действий, чувств, мыслей, но и как совокупность тех же чувств, идей и поступков.

Традиционно наших героев определяют их принадлежностью к христианству, потому что именно эта религия столетиями определяла основные мировоззренческие устои, картину мира, систему ценностей всей Европы. Советские учебники, по понятным идеологическим соображениям, обычно просто обходили этот каверзный вопрос стороной. Они просто резонно настаивали на вездесущем характере феодализма как формы поземельных отношений между людьми. Средневековый человек в такой схеме оказывался либо зависимым от власти, угнетаемым крестьянином, либо властью, «феодалом»: этот советский научный жаргонизм сам по себе почему-то навеивает тоску. Христианство и церковь этим базовым принципам с большим или меньшим успехом пристегивали нужную правящим классам идеологию. В задачи медиевистов входило найти региональные и хронологические особенности этих самых феодальных отношений, на их «ранних», «зрелых» или «поздних» стадиях. Оба принципа, условно говоря, идеалистический и материалистический, по-своему приемлемы: и религия, и поземельные отношения, в том числе феодальные, действительно многое объясняли и объясняют. Нужно только условиться, что христианство никогда, начиная с апостольских времен, не было единым, как никогда не были одинаковыми формы отношений между людьми, которые принято называть феодальными.

Религия столетиями определяла основные мировоззренческие устои, картину мира, систему ценностей всей Европы.

И христианство, и феодализм зарождались, развивались, проходили полосы кризиса, стагнации, иногда крутых поворотов. Они в разной степени проникали в умы и сердца средневековых людей на разных землях. Представим себе на минуту, что наши соседи, Литва, еще в середине XIV века, то есть за полтора столетия до условного конца нашей прекрасной эпохи, была крупным языческим княжеством в самом сердце Европы. Представим себе также, что в Исландии по сей день не шутки ради в повседневной жизни используются некоторые дохристианские обряды. И это не издержки увлечений «реконструкцией», а норма жизни. Наконец, разве сегодня отмерли иерархические лестницы, а в отношениях подчинения отсутствует, например, важнейшая для Средневековья категория верности? Достаточно назвать ее «лояльностью» или «корпоративной этикой», и можно констатировать реинкарнацию Средневековья. Феодализм резонно называют такими отношениями между людьми, которые основаны не на деньгах, не на законодательно оформленных принципах совместного бытия, а на принципах надежности и солидарности между стоящими на разных ступенях индивидами и группами. В одних странах вассал моего вассала мне не вассал, в других – все, стоящие на ступенях лестницы, подчиняясь вышестоящему, подчиняются одновременно общему для всех государю, сюзерену. Современный европеец – законопослушный налогоплательщик и гражданин, даже если он одновременно «подданный» правящего монарха, средневековый – по большей части верноподданный, то есть он подчиняется конкретному государю, и он ему верен. Латинское слово *fidelis* означало одновременно верующего во Христа и верного своему сеньору – так правильнее называть того, кого в советские времена называли феодалом. Вместе с тем далеко не всегда правоверие в религии и верность сеньору, то есть социальная и политическая благонадежность, ставились на одну доску. Поэтому нельзя давать себя обмануть удобным словам. Если твоего сеньора местный епископ или сам папа отлучил от церкви за какие-нибудь непотребства – реальные или воображаемые, тебе, вассалу, еще предстоит решать, что такое верность государю, а что – Христу. Ведь «кесарю кесарево, а Богу Богово» (Мф. 22:21). И вся история средневековых людей, их рутина, как раз история таких ситуаций жизненного выбора.

Вот почему хочется говорить не о человеке, а о людях, а если бы русский язык такое позволял – о «человеках». Средневековые сохранили память о сотнях выдающихся «человеков», личностей незаурядных и одновременно типичных, репрезентативных. Трудно назвать Людовика Святого, Григория VII, Петра Абеляра, Данте или Жака Кера попросту «людьми». Каждый из них – человек. Король, папа римский, философ, поэт, купец. Каждый уже заслужил не одну биографию, со многих уже написан семейный портрет в интерьере. Абстрагируясь от имен, обобщая, можно писать о варварских вождях, монахах, крестьянах, горожанах, императорах, епископах, маргинальных отщепенцах и властях предрержащих, о своих (христианах) и чужих (иудеях, мусульманах, еретиках и ведьмах), можно об интеллектуалах, а можно – о безмолвном и подавленном большинстве, о трудящейся массе. Все они – средневековые люди, зачастую очень непохожие друг на друга и тем более не похожие на нас.

В поисках объективности мы должны стремиться узнать, как сами средневековые люди встречали невзгоды и радости, грешили и калялись, ссорились и мирились, что думали о себе, кем себя называли и кем называли не себя, а чужих, соседей, друзей и врагов. Ведь мы сами, если, конечно, у нас есть настроение размышлять, кем-то себя называем и от кого-то себя отличаем. С помощью языка, религии, образования, уровня дохода, паспорта. Хотя паспортов в Средние века не существовало, нетрудно найти множество других отличительных признаков. Согласно основным христианским догматам, мыслящий средневековый человек числил себя в потомках Адама, грешником, несущим бремя греха по определению. Но первородный грех был смыт Христом, и Евангелие указало своим последователям пути к спасению. Подчеркиваю:

не путь, а пути. Каждому предлагалось сделать свой выбор, причем человек самого низкого рождения, выбирая путь аскезы, монашества, церковного служения, не без труда и упорства, но мог выйти из грязи в князи не только на небе, но и на земле. Точно так же и вчерашний рыцарь или купец, по каким-то причинам «обратившийся», принявший постриг, кардинально менял стиль жизни и стиль мышления. Таким образом, рожденный и даже выросший в одной системе ценностей человек мог окончить жизненный путь в системе диаметрально противоположной. Подобное случалось довольно часто.

Можно назвать это явление привычным термином – «социальной мобильностью». Мне же важно подчеркнуть, что средневековые люди – не клетки на шахматной доске и даже не фигуры с заранее заданными функциями, хотя Средневековые шахматы очень любило и воспринимало эту игру как метафору своего общества. Любило оно и разного рода двойные – или бинарные – оппозиции. Например, одной из важнейших было разделение на клир и мир, то есть на тех, кто посвятил себя Богу и исполняет таинства богослужения, и тех, кто в Бога верит, ходит на мессу, молится, исповедуется и причащается, но у алтаря не стоит. Ясно, что такое деление, если назвать христианское духовенство жречеством, свойственно большинству традиционных обществ, в том числе в наши дни. Практикуемое во многих странах отделение религии от государства – наследие этого тысячелетнего прошлого. Как и инстинктивное уважение к священнику или монаху (который вовсе не всегда священник) среди атеистов и среди представителей других религий. Мы интуитивно понимаем, что отказ от очень многого привычного в земной жизни ради небесных чертогов есть род подвига, сознательного выбора или, если выбор за вас сделала родня, особой судьбы.

Средневековые любило разного рода бинарные оппозиции. Одной из важнейших было разделение на клир и мир.

Исходя из такой бинарной оппозиции, средневековый монах оказывался на равных как со своей родней, так и со своим сеньором и даже с государем просто потому, что он отказался от самого себя и от привычных радостей и горестей мира, гудящего за стенами обители. Немногочисленные автобиографические тексты и послания частного характера донесли до нас рассказы о том, как менялись люди, отправляясь в паломничество или получая священнический сан. В наши дни тоже многие меняются изнутри, когда что-то в жизни меняется снаружи, будь то зарплата, уровень ответственности или гражданство. Особенность же средневековых перемен такого рода, пожалуй, в том, что координаты были заданы заранее. Монах должен был следовать «Уставу св. Бенедикта», созданному в VI веке. Юный воин, проходя через обряд посвящения и ритуал вассалитета, не должен был нарушать принятые изустно принципы рыцарства, учиться у старших. Клирик по определению был читающим и пишущим на латыни, то есть носителем культуры (другое дело, что уровень и характер этой культуры мог здорово различаться). Мирянин имел моральное право не знать письма вовсе, потому что общество ждало от него не зачитывания хартий, не крюкотворства, а провозглашаемых решений и применения силы. Желательно – силы справедливой и умиротворяющей.

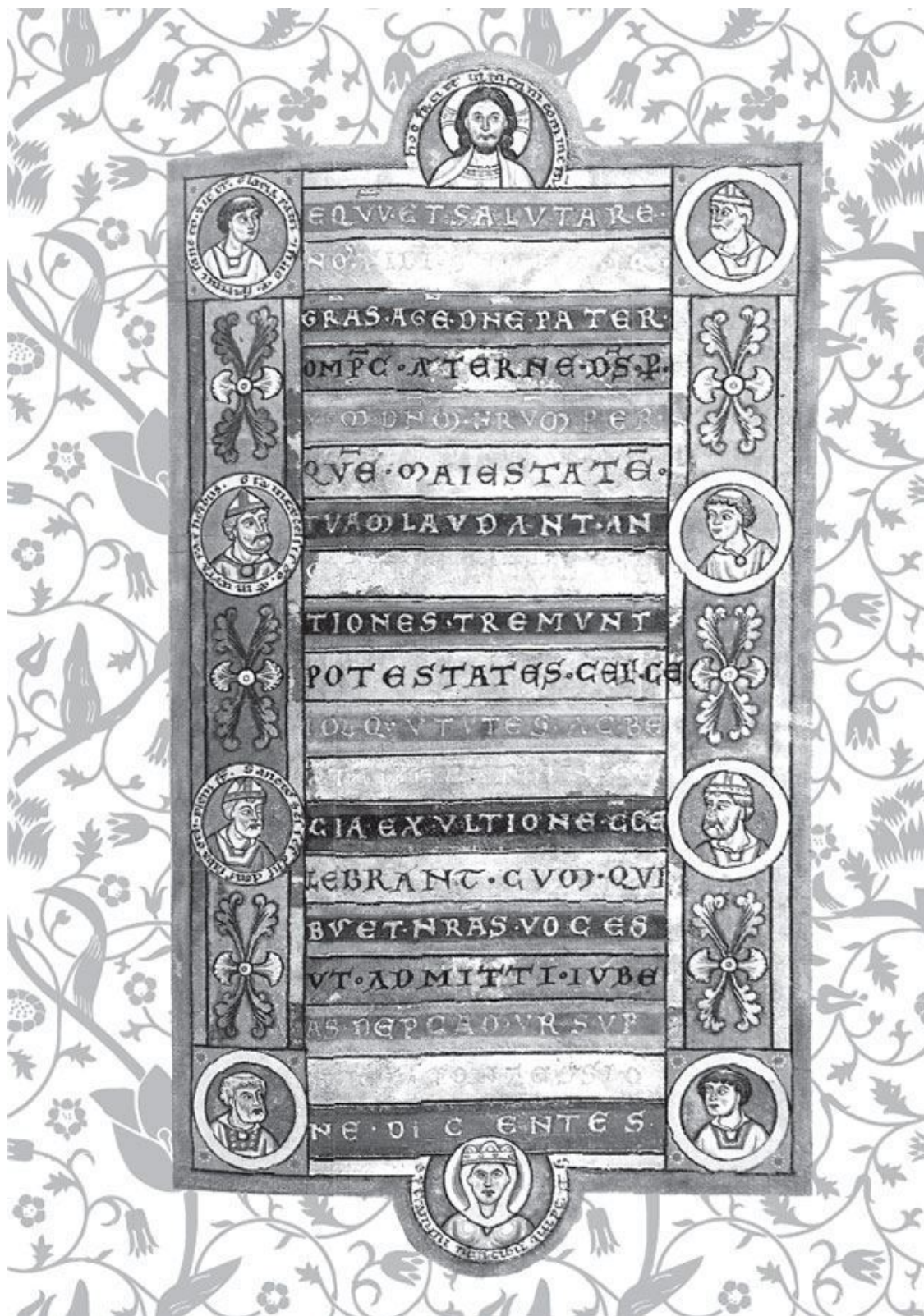
Опять же, размышляя о себе самом, средневековое общество примерно в середине своего исторического развития, в XI веке, разделило себя на три части. Помимо молящихся, оно выделило среди мирян тех, кто воюет, и тех, кто пашет. Такая тройственная схема приблизительно соответствовала социальному пейзажу Запада около 1000 года. Кроме того, можно вслед за антропологом Жоржем Дюмезилем видеть в схеме «молящиеся – воины – пахари» следование общей индоевропейской схеме человеческого общества, в котором одни выполняют магическую и юридическую функцию власти, вторые – функцию силы и защиты, третьи – функцию обеспечения материального изобилия. Однако сказать, что это «армия» и «крестьянин», было бы в какой-то степени анахронизмом. Средневековая дружина – не регулярная армия и не римский легион. А среди пахарей оказалось и набиравшее силу городское население, совершенно

особая среда, носители отчасти общих для всех, но отчасти и особенных, городских, ценностей. Иногда кажется, что разница между «культурным» горожанином и «деревенщиной» пролегла там же, где в наше время. Во всяком случае, многие сатирические интонации рассказов Василия Шукшина были бы понятны во времена трубадуров и вагантов. Только если писатель нашего времени, даже иронизируя, крестьянина любит, то поэт XII–XIV веков, выводя селянина навстречу благородному рыцарю, отправившемуся на поиски Грааля, не уверен, человек ли это или животное. И как при Шукшине, зафиксировавшем реальность, когда крестьянин бежал в город, чуя ветер перемен и не желая возвращаться в колхоз, так и в Средние века не закабаленный еще крестьянин нередко уходил в город с концами и превращался в эдакого «нового человека». Этот новый человек постепенно учился считать деньги, время, нужное, чтобы их заработать, домашний комфорт, соседа по улице... Старые связи при этом то рушились, то, напротив, крепились. Город рос за счет окружающей деревни, но он же в ней и нуждался: чтобы что-то купить, что-то продать, кого-то оттуда забрать, а кого-то туда же прогнать. А люди – менялись во все времена. И герои этой книги, при всей их любви к старым добрым порядкам, – тоже.

Средневековое общество в XI веке разделило себя на три части. Помимо молящихся, оно выделило среди мирян тех, кто воюет, и тех, кто пашет.

Семья и родня

Для того чтобы человек, в том числе средневековый, появился на свет, нужны мужчина и женщина. Затем ребенка растит либо семья, либо кто-то из родителей, чаще мать, либо родня, либо какая-то группа, либо, наконец, приемные родители. При всей банальности этого утверждения, оно необходимо. И вот почему. Дело в том, что любое традиционное, то есть религиозное общество выражает жизненную рутину и опыт поколений в религиозных представлениях. Поэтому боги обычно ведут себя так, как ведут себя люди, они такие же, как люди, только лучше и бессмертные. Когда богов много, они размножаются, заводят семьи или связи на стороне. Даже если есть боги холостые или девственно чистые, вроде Афины, они фигурируют на фоне семей. Афина, видимо, была слишком мудра и воинственна, чтобы подчиниться какому-то мужу. В христианстве эти вполне понятные простому землянину обстоятельства жизни в горних высях оказались перевернутыми с ног на голову. Дева Мария, человек из плоти и крови, но безгрешная, «неискусомужная» на языке православного богослужения, рождает без помощи мужского семени сына, который в одинаковой мере Бог и человек. Он – сын своего Отца, Творца неба и земли, но и сын своей матери. Он рождается во времени, но, как лицо Троицы, существует «прежде век», то есть до того, как появились на свет мир, в котором он живет, и мать, которая его родила. При этом у Марии есть «муж», плотник Иосиф, которого мы благочестиво именуем «обручником». Он хранитель «святого семейства» в земных мытарствах, везет его на перепись населения, бежит с ним в Египет, спасая божественного младенца от Ирода. Но он исчезает из евангельской истории задолго до ее кульминации – крестной жертвы, где судьбу Сына – и всего человечества – вершит Отец. Наконец, Мария, буквально вместившая в себе «невместимое» божество, резонно ассоциировалась с Церковью, которая представляет Бога на земле. Но в этой своей роли Богоматерь оказывается и невестой Христа, и даже его дочерью (илл. 1).

Любое традиционное общество выражает жизненную рутину и опыт поколений в религиозных представлениях. Боги обычно ведут себя как люди, они такие же, как люди, только лучше и бессмертные.

В подобных парадоксах веры нетрудно запутаться человеку, далекому от религии. Но и верующему ненамного проще, в том числе средневековому. С одной стороны, Творец благословил Адама и Еву на размножение, с другой – осудил обоих за грех, без которого размножение невозможно. Первую семейную пару изгнали из земного рая, чтобы им в поте лица добывать хлеб и в муках рожать. Иисус, часто бывая в семейных домах, помогая вдовам и детям, одновременно требует отказаться от матери и от отца. Вторя ему, апостол Павел не имеет ничего

против семей, в том числе смешанных, христианско-языческих, но открыто говорит, что безбрачие достойнее и быстрее ведет на небо.

Таким образом, статус семьи, кровных и родственных уз оказывается в средневековой системе ценностей камнем преткновения уже в самом начале. Ведь священная история, на которую призвано ориентироваться общество, мягко говоря, не дает в этом ключевом вопросе четких ориентиров. В I веке до н. э. Цицерон, знаток римского общества, называл семейные узы *seminarium civitatis* – «основой государства», «питомником общины», или, выражаясь на полузабытом канцелярите, – «ячейкой общества». В любом случае, в привычном нам слове «семинария» корень – «семья», латинское *semen*. Гражданин, *cives*, одновременно семьянин, связанный правами и обязанностями с предками и потомками, и полноправный член общины, государства. Эти права и обязанности очерчивают как отношения между людьми, так и отношения собственности движимой и недвижимой. Другой римлянин, учившийся на Цицероне, но живший на пять веков позже, в уже христианизированной Империи, мыслил совершенно иначе. Для Августина, Отца Церкви, очень плодотворного и влиятельного мыслителя, те же узы – по-прежнему «основа государства», но их уже недостаточно для воплощения Града Божьего на земле. Для того чтобы человек был человеком и христианином, требуется второе рождение – крещение. А в середине Средневековья, в XII столетии, правовед-канонист Грациан зафиксировывает этот парадокс, назвав семью *seminarium caritatis* – «питомником любви». Тем самым, заменив несколько букв во втором слове, он отразил совершенно иное по сравнению с Античностью отношение к семье и вообще новый взгляд на человека и общество. Там, где античный ритор ставит «государство» – *civitas*, средневековый интеллектуал ставит «любовь» – *caritas*. Это не описка. Семья, естественно, не отрицается и не заменяется каким-то иным институтом, но царящая в ней любовь – *caritas* – целью своей имеет произведение потомства.

В I веке до н. э. Цицерон, знаток римского общества, называл семейные узы *seminarium civitatis* – «основой государства»... или, выражаясь на полузабытом канцелярите, – «ячейкой общества».

Отношения же между индивидами и группами строятся отныне не только на кровных узах, но – в не меньшей степени – на основе духовного родства. Успех в Средние века чисто христианского феномена крестного отцовства указывает на то, что перед нами не фантазии богословов, а глубинная перестройка основ жизни людей. Если сегодня в Европе связи, соединяющие крестных и крестника, – личное дело каждого, дань местной или семейной традиции, то десять веков назад это непреложная истина. Кровные родственники неслучайно последовательно уже в первом тысячелетии отстранялись от участия в крещении. В России любой участвовавший в крещении знает, что ни отец, ни мать ни в коем случае не могут принять своего ребенка из купели. И Церковь, и вслед за ней общество стремились в большой степени заменить связи по крови связями, если можно так выразиться, скрепленными водою и духом. При всей видимой противоестественности этого начинания, ставшего нормой на века, не будем спешить ни с оценками, ни с ярлыками. Все общества знают различные формы замены семьи другими способами ввести индивида в круг общения: где-то – ученые называют такие отношения кланами, где-то клиентелой, где-то – пионерским лагерем. Наконец, привычные нам всем обязательное начальное образование и воинская повинность тоже представляют собой длительные этапы взаимодействия, но и противостояния, между индивидом, семьей, обществом и государством. Разница только в том, что мы не называем это религией, но законом. Представим себе, что в средневековом мире нет ни обязательного образования, ни воинской повинности, но он понимает, что семьи для обеспечения собственной стабильности недостаточно, что «семейные интересы», которые каждый семьянин призван отстаивать, могут разрушать и все вокруг, и саму семью. Значит, нужны какие-то иные, внешние по отношению к ней рычаги

регулирования ее жизни. Не родственные по крови, но духовные связи, благословленные священником, стали одним из таких рычагов.

Какова роль женщины в этих связях?

Может показаться, что я начал с каких-то очередных абстракций и теорий, между тем как читатель ждет описания домашнего очага и хлопот с детскими пеленками. Мы по-прежнему резонно (но лишь отчасти) связываем идею семьи с женщиной, которую инстинктивно считаем ее хранительницей. Легко представить себе тысячелетие, в котором женщина из поколения в поколение влачит незавидное существование: зачинает, рождает, пеленает, стирает, стряпает, опять зачинает, опять рождает, опять пеленает... И так примерно до сорока лет. Женщина побогаче и познатнее могла перепоручить часть функций служанкам, тогда ей оставались беременности, роды и вышивание, а по редким светским праздникам, века с одиннадцатого, – турнир и пара лестных песен от заезжего поэта. Ко всему прочему, любая женщина – наследница греховодницы Евы, схватившей яблоко первой и потому во всем виноватой. Выходит, что прекрасная половина человечества промолчала тысячу лет, и за этим молчанием не слышно даже слез. Все это верно, и средневековое общество в целом, конечно, общество мужское, маскулинное, в его «табели о рангах» у женщины, отдельно от мужчины, ранга нет. Королева, овдовев, оказывалась под угрозой, даже если за нее могли постоять братья или сыновья. Однако, во-первых, на протяжении всего этого времени можно встретить во всех сферах жизни женщин незаурядных – властных и влиятельных, талантливых и предприимчивых, красноречивых и даже воинственных (речь не только о Жанне д'Арк). Многие оставили глубокий след в памяти современников и потомков. Во-вторых, семья – это вовсе не только очаг и пеленки. При всей сложности взгляда на семью с точки зрения христианских ценностей и догматов она оставалась важнейшим игроком на шахматной доске, будь то королевский двор или деревня (илл. 2).

Семья – не только очаг и пеленки. При всей сложности взгляда на семью с точки зрения христианских ценностей и догматов она оставалась важнейшим игроком на шахматной доске.

Средневековое общество на всех своих уровнях такое же конфликтное, как любое другое. Но ко всему прочему, его жизнь лишь отчасти регулировалась записанными нормами, в большей степени – неписанными, но очень устойчивыми обычаями. Одним из традиционных способов прекратить вражду и заключить мир была свадьба: именно для этого часто женили сыновей и выдавали замуж дочерей. Так, зачастую прямо на поле битвы или резни, на не запекшейся крови, возникали союзы между кланами, деревнями, городами, феодальными линиями или целыми странами. Какой-нибудь граф мог быть уверен, что через головы пожененных детей строптивый сосед, ближний или дальний, вряд ли пойдет войной, даже если он только что не хотел слышать о мире. Кроме того, на протяжении веков западная Церковь и ее верные сыновья были одержимы страхом инцеста: иной раз запрещалось создавать пару родственникам в десятом колене. Чтобы хоть в чем-то разобраться, принялись вычерчивать весьма замысловатые по геометрии древа родства – *arbores consanguineitatis* (илл. 3). В середине XI века французский король Генрих I попросил руки киевской княжны: найти родство между Капетами и Рюриковичами было нелегко. Антрополог резонно назовет эту одержимость элементарным принципом экзогамии, часто встречающимся в традиционных обществах табу, способствующим сохранению здорового генофонда деревни или племени. Но мы должны понимать, что это табу может быть и причиной совсем не здоровых для политики и общества коллизий. В X–XIII веках так, с помощью семейно-брачных «многоходовок», и формировалась пестрая карта раздробленной Европы, в которой земли следовали за своими хозяевами.

В политически раскаленной городской среде средневековой Италии, женившись, можно было сменить, а то и создать партию...

Возможно, «мир» – ключевое слово, когда мы говорим о средневековой семье. Нетрудно решить, что женщина здесь – жертва этого самого «мира», который нужен опять же мужчинам, что ей всего лишь предоставлена роль трофея, талисмана, залога, если не заложницы. На первый взгляд, здесь нет места ни личности, ни любви, ни воле, ни счастью. Такая семья – производная большой или малой политики. «Передача» невесты обставлялась соответствующим образом и сопровождалась публично засвидетельствованным вручением приданого. Праздник, количество и качество подарков, количество и статус гостей – все эти обстоятельства имели юридическую силу и несли политические и экономические последствия в зависимости от уровня объединявшихся семей. С места снималась не только невеста, в движение приходили вещи, люди, а то и города и страны. В политически раскаленной городской среде средневековой Италии, женившись, можно было сменить, а то и создать партию: белые гвельфы (к которым принадлежал, например, Данте) объединились в 1300 году, оставив бывшие распри, после женитьбы одного из Черки на одной из Адимари. Напротив, обида, нанесенная невесте или супруге, могла дорого обойтись обидчику и всему его роду, стать поводом к многолетней «файде» (от древнегерманского *fêhida* – «вражда», одного корня с современным немецким *Feind* – «враг»). И тогда родственники и потомки обязаны были мстить за обиду, нанесенную дочери, сестре, матери, бабушке. И духовные, и светские власти на протяжении столетий периодически пытались вмешиваться в подобные межсемейные конфликты, зачастую весьма кровопролитные.

Напротив, обида, нанесенная невесте или супруге, могла дорого обойтись обидчику.

Анонимная «Салернская хроника» конца X века рассказывает о печальной участи жены некоего Наннигона: воспылав к ней желанием, лангобардский герцог Сикард отослал ее мужа в Африку (словно библейский Давид – Урию) и, конечно, добился своего. «Когда муж вернулся, он нашел ее немытой, растрепанной, в оборванной грязной одежде и стал расспрашивать: “Почему ты простоволоса и неумыта?” “Доставай меч, – отвечала она, – и отруби мне голову, потому что обесчестил меня другой мужчина”. Узнав, что произошло, Наннигон очень огорчился и сказал жене: “Помойся, оденься нарядно и не расстраивайся больше по этому поводу”. С того дня, как многие говорят, он никогда не смеялся». Когда же представился случай, Наннигон отомстил: «рассказывают, что, когда они вошли в шатер и герцог увидел Наннигона, он обратился к нему так: “Пощадите меня, Наннигон”. А тот отвечал: “Бог не простит мне моих злодеяний, если я прощу тебя!” И достав меч из ножен, он заколол герцога, и тот умер. Жenu его, Адельхизу, о которой мы говорили выше, с позором отвели к ее родственникам в Беневенто. И поделом: много они с мужем принесли неприятностей окружающим, следовало им когда-то расплатиться еще худшими страданиями».

Подобными историями средневековые хроники пестрят, а за лаконичным морализаторством их авторов стоят средневековые представления об этике и психологии семейной жизни.

Официального развода не существовало, но это не значит, что семьи были нерасторжимыми вовсе. Правда, выгнать жену запросто не мог и король, он прекрасно знал, что делает. Когда в 771 году Карл Великий под предлогом бесплодия вернул свою первую жену, лангобардскую принцессу Эрменгарду, свекру, лангобардскому королю Дезидерию, это было почти что объявлением войны, которая как раз не заставила себя ждать, изменив политическую карту

Запада: «освободив» Италию от лангобардов, Карл мог задуматься и о восстановлении Римской империи. Восемнадцатилетний король Франции Филипп-Август (1180–1223) попытался выставить сначала первую жену, четырнадцатилетнюю Изабеллу, но отступил перед недовольством полюбивших ее подданных. В 25 лет, когда совсем юной Изабеллы не стало, он женился на молодой датской принцессе Ингеборге и отказался от нее по неясным до сих пор причинам на следующий день после свадьбы, двадцать лет продержал в заточении, женился заново на не слишком заметной Агнессе Меранской, получил за это отлучение от церкви и себе, и всему королевству, как только к власти в Риме пришел волевой Иннокентий III, наконец, когда не стало и Агнессы, вернул Ингеборге королевское достоинство. Вся Европа знала, на что способен французский король, вдвое увеличивший территорию страны: его твердость в политике равнялась твердости в отношениях с чем-то не приглянувшейся женой. Характерно, что его внук Людовик IX Святой в семейных делах бывший полной противоположностью деду (и большинству средневековых государей), во всем остальном стремился ему подражать.

Ингеборга, женщина, несомненно, сильная, вынесла все тяготы, но добилась восстановления чести и достоинства в борьбе с не менее упрямым мужем, которому из-за интердикта даже свадьбу наследника престола пришлось праздновать без лоска в соседней Нормандии. Большинству таких отверженных жен и невест это не удавалось. Несмотря на осуждение клириков и прямые угрозы Церкви, несмотря на опасность мести родичей и политические последствия, позорное изгнание или даже заточение неудобной жены было обычным делом. Тем не менее жены, вдовствующие государыни и сеньоры нередко правили крупными доменами и целыми королевствами от имени малолетних сыновей и даже внуков. Да и в отсутствие мужа управление нередко переходило в руки женщины, будь то мать, жена и даже, пусть реже, дочь. Много здесь зависело от ее личных качеств, от желания и способности властвовать не только над домашними слугами, следуя принятым в конкретном обществе нормам.

Даже Карл Великий... не хотел выдавать своих многочисленных дочерей якобы из большой к ним любви, на самом же деле, зная по собственному опыту, сколько рисков с этим связано.

Казалось бы, для того чтобы постепенно в недрах средневекового «варварства» вызрела привычная в Западной Европе эмансипация женщины и, следовательно, относительное равноправие в семье, нам следовало бы ждать какого-то прогресса в юридическом статусе женщины в последние века нашей эпохи. Однако ни экономически, ни юридически этого не произошло. По женской линии периодически передавались наследства, иногда настолько крупные, что по их вопросу можно было затеять войну на сто лет. И вместе с тем в обыденной жизни женщина позднего Средневековья распоряжалась даже приданым с массой ограничений. Более того, несмотря на все успехи куртуазности и распространение культа прекрасной дамы, ее экономическая беспомощность привела к «обесцениванию» женщины в системе ценностей мужчин. Женоненавистничество, один из лейтмотивов клерикальной и сатирической литературы XII–XV веков, вроде «Пятнадцати радостей брака», в равной степени связаны с тоской клира по запретному плоду и с теми ограничениями, которые само это мужское общество наложило на пол, в те времена считавшийся слабым не фигурально, а вполне буквально, причем по всем без исключения статьям.

Оказываясь часто в неравном или не совсем равном браке, юная девушка попадала в новую для нее сложную сетку отношений подчинения и властвования.

Приданое, отдаваемое с дочерью, — деньги, в которые вкладывается честь семьи, вклад, не ждущий иных дивидендов, кроме этой самой чести, заем, не претендующий на возвращение. Для отца семейства бракосочетание детей любого пола — головная боль, дочерей — особенно. Даже Карл Великий, если верить его биографу Эйнхарду, не хотел выдавать своих мно-

гочисленных дочерей якобы из большой к ним любви, на самом же деле, зная по собственному опыту, сколько рисков с этим связано. Прапрадед Данте Каччагвида, повстречавшись с поэтом в Раю, хвалил те далекие времена, когда

Отцов, рождаясь, не страшили дочки,
Затем что и приданое, и срок
Не расходились дальше должной точки¹.

«Срок», то есть время выдачи невесты, зачастую бывал слишком ранним, около 12–14 лет для знати, немногим позже – среди крестьянства и простых горожан. Крепкое приданое было шансом повысить за счет невесты статус всей семьи, но немалым бывал и риск, учитывая, что отныне честь отцовской семьи невесты зависела от благоразумия, поведения и судьбы ее мужа. А честь в семейных (и не только) делах Средневековья – такое же ключевое слово, как «мир», о котором мы только что толковали. Мир без чести невозможен. Оказываясь часто в неравном или не совсем равном браке, юная девушка попадала в новую для нее сложную сетку отношений подчинения и властвования. Только что она беспрекословно подчинялась отцу или старшему мужчине в семье (дяде, старшему брату, отчиму), а теперь отношения выстраивались в ее микромире в иерархию с совершенно не очевидными ступенями. Ведь и муж, тот, кому она, попросту говоря, принадлежит, мог оказаться негодяем. Причем с самых разных точек зрения. Что тогда?

¹ Божественная комедия. Рай. XV, 1–3–105. Перевод Михаила Лозинского. – Здесь и далее примечания автора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.